

Въ Румыніи передъ войной 1877 г.

I.

Одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній принадлежитъ Румыніи, гдѣ я въ первый разъ былъ на большихъ маневрахъ, которыми князь Карлъ рекомендовалъ представителямъ иностранныхъ армій свои воспитанныя имъ войска. Второй разъ я прибылъ въ Бухарестъ военно-уполномоченнымъ главнокомандующаго нашею арміею, сосредоточенной въ Бессарабіи осенью 1876 года. И въ первый разъ, и во второй, благодаря счастливой случайности, я обезпечилъ себѣ большой успѣхъ, имѣя въ странѣ больше друзей, чѣмъ недоброжелателей.

Отъ какихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, иногда, зависитъ успѣхъ дѣла, показываетъ знакомство мое въ первый мой пріѣздъ съ военнымъ министромъ генераломъ Флореско. Я былъ первымъ изъ русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Валахіи гостемъ княжества, а не распорядителемъ его судебъ. Считаюсь съ этимъ, я надѣлъ для визита министру полную парадную форму и этимъ очаровалъ милѣйшаго генерала. Оказалось, что иностранные офицеры заѣзжали къ нему въ домашней формѣ. Довольный мною, министръ далъ мнѣ чудную верховую лошадь въ то время, какъ подъ остальными иностранцами была калечь. Благодаря этому обстоятельству, во все время маневровъ я былъ постоянно впереди рядомъ съ княземъ. Естественно поэтому, что всѣ свои впечатлѣнія онъ повѣрялъ только мнѣ, и тѣмъ создавалось мое привилегированное положеніе. Впрочемъ еще одно обстоятельство поднимало мой престижъ. Проѣзжая по улицамъ Бухареста группой, иностранцы поражались, какъ кучера

лучшихъ экипажей, наши раскольники-старовѣры, не только снимали свои шляпы, но вставали на козлахъ и кланялись мнѣ въ поясъ. Все это мелочи, которыми однако не слѣдуетъ пренебрегать. Еще одна подробность. Маневры происходили въ окрестностяхъ Бузео, куда мы выѣзжали съ княземъ въ особомъ вагонѣ. Корректный до педантизма, князь удѣлялъ разговоръ съ каждымъ иностранцемъ по равному времени. Сторонясь при перегонѣ, я приближался къ нему предъ подходомъ къ станціи. Выходило такъ, что встрѣчающаяся на платформахъ публика и власти вездѣ видѣли выходящаго князя въ разговорѣ со мной. Отсюда появлялись въ газетахъ статьи, отгвнявшія мое выдающееся положеніе. И это мелочь, но въ общемъ имѣвшая свое значеніе.

Почти полугодичное мое пребываніе въ Бухарестѣ передъ войной меня чрезвычайно сблизило съ предсѣдателемъ Совѣта министровъ, Иваномъ Братіано, соединившаго тогда въ своихъ рукахъ портфели министерства внутреннихъ дѣлъ и военнаго; по отзывамъ многихъ ультра красный, румынскій Мадзини, Братіано для меня былъ въ высшей степени любезнымъ, разумнымъ и распорядительнымъ человекомъ, всегда ставившимъ на первый планъ сущность дѣла и пренебрегавшимъ формой. Съ его помощью мнѣ удалось подробно разработать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя могли представить интересъ для нашей арміи, наступающей черезъ княжество въ Болгарію. Но въ особенности насъ сблизила суматоха, сопровождавшая движеніе нашихъ войскъ по румынской территоріи. Хотя времени, предшествовавшаго объявленію войны, было вполнѣ достаточно для принятія всѣхъ мѣръ, на дѣлѣ однако оказалось, что распоряженій никакихъ сдѣлано не было. Въ результатѣ рядъ недоразумѣній и столкновеній съ мѣстной властью. Въ такую-то минуту я застаю нашего милѣйшаго дипломатическаго агента, барона Стурта, въ отчаяніи воздѣвающаго руки надъ кипю ноть министра иностранныхъ дѣлъ, Кагольничано.

„Все по Вашей милости, дѣйствующей арміи, заварилась такая каша, а мнѣ приходится расхлебывать“, встрѣчаетъ онъ меня съ укоризной.

„Если по моей милости, то и отдайте мнѣ эту кашу, съ которой постараюсь Вамъ больше не досаждать“.

А ноть было не мало, съ трудомъ я могъ ихъ засунуть въ портфель, а замкнуть уже было нельзя. Отправляюсь къ Братіано. Всегда привѣтливый и ласковый, спрашивается о моемъ здоровьѣ и садится за столъ скручивать для меня папирску, а табакъ у него былъ необыкновенно хорошій.

„Что это у Васъ за сенаторскій портфель?“.

„Да вотъ Вашъ Кагольничано забросалъ барона дипломатическими депешами. Приходится распутывать узлы, для чего я и явился къ Вамъ“.

„Ахъ да, я слыхалъ, рядъ столкновений на пути Вашихъ войскъ съ населеніемъ. Погибель куръ и живности, даже кружки отрываются отъ фонтановъ и уносятся. Все въ этомъ родѣ“.

— „Это въ депешахъ, а у меня коробъ заявлений войскового начальства. Рубль размѣниваютъ на полтора франка, дрова и солома прячутся и много подобнаго, конечно, это результатъ отсутствія комиссаровъ при колоннахъ. Теперь все это больше не повторится. Въ настоящую минуту бесполезно разбирать, кто правъ, кто виноватъ. Разборъ и взысканія только обостряютъ отношенія, и потому я предлагаю предать все забвенію“.

„Понимаю и раздѣляю Ваше мнѣніе“.

И, не отдѣляя слова отъ дѣла, благодушный Братіано собственноручно рветъ на столѣ Совѣта румынскихъ министровъ officialныя ноты своего министра иностранныхъ дѣлъ. Развѣ это не умница?!

Точно такъ, быстро и безповоротно, рѣшались нами сообщать множество дѣлъ, на каждомъ шагу возникавшихъ при соприкосновеніи нашихъ войскъ къ мѣстнымъ румынскимъ войскамъ и населенію. Военная конвенція была заключена слишкомъ поздно, да она и не содержала въ себѣ массу условій, безъ оговорки которыхъ являвшіяся недоразумѣнія легко могли повести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Все обсуждалось нами во-время и затрудненія устранялись моментально. Въ этомъ слѣдуетъ отдать Братіано полную справедливость.

Помню разъ, Великій Князь главнокомандующій пенялъ мнѣ, что представительное правительство княжества связываетъ своего князя по рукамъ и ногамъ, даже въ вопросахъ чисто - военного характера, и что самъ Великій Князь находится въ неизвѣстности и нерѣшительности, какъ производить рекогносцировку Дуная и чѣмъ обезпечить успѣхъ предпріятія.

„Во всемъ этомъ навѣрно кроется какое-нибудь недоразумѣніе“, позволилъ я себѣ доложить Его Императорскому Высочеству. „Нѣтъ такого Вашего распоряженія, которое не было бы немедленно приведено въ исполненіе. Чтò бы Вашему Высочеству угодно было приказать?“

— „Вотъ видишь ли, при производствѣ рекогносцировокъ на такомъ обширномъ пространствѣ, какъ Дунай, нѣтъ возможности дать имъ всѣмъ прикрывающіе отряды; а находящіяся на мѣстѣ румынскія войсковыя части, пожалуй, откажутся отъ непосредствен-

наго содѣйствія. Такъ вотъ, хотя бы только тремъ партіямъ обезпечить помощь отъ румынъ“.

„Слушаюсь и отвѣчаю, что будетъ исполнено“.

Это было въ Плоэштахъ.

Несмотря на позднее время моего возвращенія въ Бухарестъ, я въ тотъ же вечеръ былъ у Братіано.

Ни одного слова не обронивъ противорѣчія, онъ молча сѣлъ за столъ, взялъ листъ бумаги и перо и лаконически сказалъ: будемъ писать. И вотъ, что общими усиліями, мы выработали для помѣщенія на оффиціальному листѣ за государственною печатью:

„Les autorités militaires sont commandés de donner à l'officier de l'armée Impériale Russe, №№ , qui se présenterait avec cet ordre, tout le concours qu'il leur demanderait, mettre à sa disposition les troupes ou les instruments dont il aurait besoin, enfin chercher à mettre en execution les dispositions qu'il jugerait convenable dans le but de toute reconnaissance ou opération militaire“.

„Приказывается всѣмъ войсковымъ начальникамъ, при предьявленія настоящаго приказа российской арміи, №№ , оказывать предьявителю полное содѣйствіе во всемъ, что онъ потребуеть, предоставляя въ его распоряженіе войска и всякій матеріалъ, вообще употребляя всѣ средства для успѣшнаго достиженія имъ развѣдки или боевого дѣла“.

Вотъ что называется исполнить желаніе Великаго Князя въ полномъ объемѣ, до крайнихъ предѣловъ. Русскому генералу или офицеру предоставлялось право, на основаніи этого приказа, даже перебросить черезъ Дунай воинскую часть и сдѣлать на томъ берегу поискъ.

Нужно было видѣть, какъ самъ Братіано былъ доволенъ.

„Хотя я самъ и не военный, но люблю военное дѣло и хорошо его понимаю. Нельзя безъ крайняго вреда связывать руки военнначальникамъ. Думаю, что и Великій Князь наковецъ меня оцѣнить. Завтра поѣздъ въ Плоэшти идетъ въ 3 часа. До втораго звонка всѣ три листа будутъ Вамъ вручены на желѣзно-дорожной платформѣ“.

Все было исполнено, какъ было обѣщано, и въ пятомъ часу я уже былъ въ кабинетѣ главнокомандующаго.

— „Какъ это тебѣ удалось такъ полно и такъ быстро исполнить мое желаніе. А Князь говорилъ мнѣ о неодолимыхъ затрудненіяхъ. Что, очень трудно было урезонить Братіано?“

„Ваше Высочество! Замокъ отпирается ключемъ, только для него приспособленнымъ. Вы не за тотъ ключъ взялись. Что же ка-

сается до Братіано, то смѣю Васъ увѣрить, что это человекъ прямой и преисполненъ относительно насъ добрыхъ намѣреній. Князь Карль безукоризнененъ, но онъ значительно менѣе практиченъ—чѣмъ Братіано. Между правительственными лицами есть много весьма способныхъ людей, но ихъ нужно близко знать, чтобы оцѣнить, на что каждый способенъ“.

— „Какъ бы то ни было, а я очень радъ, что такъ дѣло скоро и хорошо оборудовалось, передай Братіано мою благодарность. Да и тебя благодарю, твоею службою я очень доволенъ. Спасибо тебѣ отъ души“.

— Какъ я былъ всеѣмъ доволенъ! Радостнымъ я возвращался домой, мечтая, съ какимъ удовольствіемъ буду передавать моему Братіано благодарность Великаго Князя, какъ до сихъ поръ мы съ нимъ отличились и заслужили похвалу.

Не съ однимъ Братіано я дѣла дѣлалъ. По военной части мнѣ во многомъ помогали генеральнаго штаба полковникъ Сланичано, а потомъ военный министръ генераль Чернатъ. По внутреннимъ сообщеніямъ и желѣзнымъ дорогамъ полковникъ Фалькоюно, весьма дѣльный и въ высшей степени предупредительный. Всѣхъ именъ не припомню, но безъ исключенія всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ относились къ моимъ запросамъ и въ самое короткое время сообщали мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія. Благодаря такому содѣйствію, я успѣлъ представить въ штабъ дѣйствующей арміи рядъ самыхъ важныхъ свѣдѣній въ отношеніи организаціи и свойствъ румынскихъ войскъ, относительно средствъ продовольствія, подъемныхъ силъ желѣзныхъ дорогъ, путей сообщенія и расквартированія, урожая послѣдняго года, судовъ и плавучихъ средствъ на Дунаѣ и по притокамъ, мѣстонахожденій лѣсовъ на верховьяхъ сплавныхъ рѣкъ, картъ страны и плановъ позицій и т. д. Зимой полевой штабъ, въ кишиневскомъ сидѣніи, больше думалъ о возвращеніи домой, чѣмъ о наступленіи во внутрь непріятельской страны. Мои донесенія складывались въ кучу и такъ и остались безъ разработки и примѣненія къ дѣлу. Всѣ вѣрили въ благопріятный исходъ конференціи, засѣдавшей въ Константинополѣ. Мирное настроеніе преобладало.

Въ особенности настойчиво я рекомендовалъ скупку послѣдняго богатаго урожая. Надвигавшаяся гроза съ сѣвера ни для кого не была секретомъ. Большинство сельскихъ хозяевъ и крупные скупщики торопились освободиться отъ хлѣбныхъ запасовъ и складовъ, которые по ихъ мнѣнію задаромъ могли достаться наступающимъ войскамъ. Все съ лихорадочною поспѣшностью грузилось на суда, спускалось къ Дунаю и по Дунаю къ Браилову и Галацу, чтобы

какъ можно скорѣе увезти отъ опасности за границу. Цѣна баснословно пала. За 200—300 т. рублей можно было скупить то, что въ обыкновенное время стоило въ десять разъ дороже. Скупка хлѣба за счетъ арміи, доказывалъ я, во 1-хъ, сильно поддержитъ нашихъ представителей на конференціи и, во 2-хъ, обезпечитъ нашу армію чуть на годовымъ продовольствіемъ. Если война все-таки будетъ, мы будемъ имѣть громадныя хлѣбныя запасы подаркомъ. Если наоборотъ натянутое положеніе разрѣшится мирнымъ исходомъ, мы заработаемъ на продажѣ большія деньги. Начальникъ штаба арміи мнѣ отвѣчалъ, что если въ главной квартирѣ существуетъ сомнѣніе на счетъ войны, то въ Петербургѣ—полная увѣренность въ мирѣ, и что Министръ Финансовъ не дастъ на эту операцію ни одного рубля.

Я настаивалъ на своемъ, упрямо повторяя, что къ военному дѣлу нельзя прилагать мирныхъ масштабовъ, что, наконецъ, съ уходомъ хлѣба изъ дунайскаго бассейна уходятъ и всѣ судовыя средства, безъ которыхъ переправа черезъ такую широкую рѣку, какъ Дунай, затруднится до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ такомъ случаѣ необходимо приступить теперь же къ постройкѣ судовъ и плотовъ въ вершинахъ славныхъ притоковъ. Мнѣ отвѣчали: хорошо, но пусть заготовкой займутся румыны на свой страхъ и рискъ.

Г. И. Бобриковъ.

